

оригинальная статья

Генезис сущности допроса в отечественном законодательстве и праве

Семеновский Андрей Игоревич

Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

<https://orcid.org/0000-0003-2763-6773>

ai.semenovsky97@gmail.com

Поступила 24.02.2023. Принята после рецензирования 16.03.2023. Принята в печать 06.06.2023.

Аннотация: Цель – определить сущность уголовно-процессуального допроса, вкладываемую в данный термин российским законодателем. Для достижения цели автор подвергает сравнительно-правовому анализу в качестве предмета исследования развивающуюся процессуальную форму допроса по уголовному делу, отражаемую в позитивных источниках отечественного права, с момента становления российской государственности и до наших дней. Изучению подлежали именно те источники, в которых законодатель прямо использует термин *допрос* или синонимичные ему понятия. Результаты исследования свидетельствуют о постепенном развитии правового регулирования допроса в аспектах коммуникации (передачи информации о расследуемом событии вербально и невербально), интеракции (взаимодействия участников, их количества, границ психологического влияния и т. п.), а также отчасти перцепции (иногда законодатель вводит требование обязательного учета личности допрашиваемого), т. е. допрос все больше развивается как формализованное общение. Сделан вывод, что отечественный законодатель на протяжении длительного времени видит сущность допроса по уголовному делу именно в особом формальном общении, что отражается в развитии его уголовно-процессуальной формы. Теоретическая значимость полученных результатов видится в формировании единого подхода к правовой сущности допроса. Результаты и выводы могут быть применимы в практике нормотворчества уголовно-процессуальной формы допроса, т. к. полученные данные характеризуют придаваемую законодателем сущность допроса по уголовному делу и вектор ее развития.

Ключевые слова: допрос, историческое развитие, правотворчество, законодательство, уголовно-процессуальная форма, сущность процессуального действия

Цитирование: Семеновский А. И. Генезис сущности допроса в отечественном законодательстве и праве. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 3. С. 374–382. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-374-382>

full article

Genesis of the Interrogation Essence in the Russian Legislation and Law

Andrei I. Semenovskii

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

<https://orcid.org/0000-0003-2763-6773>

ai.semenovsky97@gmail.com

Received 24 Feb 2023. Accepted after peer review 16 Mar 2023. Accepted for publication 6 Jun 2023.

Abstract: Using the comparative legal method, the author determined the essence of criminal procedural interrogation in the Russian legal system, from the early Russian state to the present day. The study covered the sources that involve the term *interrogation* or a synonymous concept. The legal regulation of interrogation gradually developed in several aspects. The communicative aspect included verbal and non-verbal transmission of relevant information. The interactive aspect covered the interaction between participants, their number, limits of psychological influence, etc. The perceptive aspect was registered when the legislator required a compulsory record of interrogee's identity. Obviously, the interrogation has long developed as a formalized communication. As a result, the domestic legislator sees the essence of interrogation as a special type of formal communication, which affects the development of its procedural form. The obtained results help to develop a unified approach to the legal essence of interrogation and can be applied in the legislative practice of the criminal procedural form of interrogation.

Keywords: interview, historical development, lawmaking, legislation, criminal procedure form, essence of procedural action

Citation: Semenovskii A. I. Genesis of the Interview Essence in the Domestic Legislation and Law. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 374–382. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-374-382>

Введение

Сравнительно-правовые исследования вносили огромный вклад в развитие представлений об уголовно-процессуальных явлениях. Значительные диахронные, выражаясь терминологией А. Х. Саидова [1, с. 21], сравнительно-правовые исследования зачастую проводились для уяснения сущностных особенностей типов (форм, моделей, начал) уголовного процесса и перспектив их развития, что нашло отражение в трудах ряда ученых, работы которых включали обзор многих источников права прошлых времен [2–4; 5, с. 103–124; 6, с. 16–39].

Важными являются и замечания самих представителей сравнительного правоведения. Ими указывается, что сравнительное правоведение и сравнительно-правовой метод отвечают на то, как развивается правовое явление, какой оно имеет вектор развития, помогают глубже понять сущность данного явления [1, с. 13–18, 40–45]. Обозначенные положения в совокупности свидетельствуют о важности применения в рамках познания сущности уголовно-процессуальных явлений, пути и перспектив их развития сравнительно-правового метода и диахронного сравнительно-правового исследования как частного случая.

Относительно нормативного диахронного сравнительно-правового анализа собственно допроса необходимо указать на то, что исследователями он проводился, даже предпринималось сравнение источников права зарубежных стран (Законы Ману, Нарады, Дхармашастра Яджнавалкьи, ордонансы, Каролина Карла V и др.) наряду со сравнением отечественных источников права (Русская Правда, судные грамоты, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное Уложение 1647 г., указы Петра I и «Краткие наказания волостным и сельским начальникам по раскрытию преступлений и поимке преступников» 1884 г.) [7, с. 41–51; 8, с. 6–9]. В целом данные исследования проводятся в ключе развития тактики допроса, а также оценки доказательств, полученных в ходе допроса. Авторы, рассматривающие вопросы регулирования допроса прошлых лет, описывают положения источников права о нем не в ключе развития сущности самого допроса, а относительно возможности или невозможности получать свидетельские показания от тех или иных лиц, правил оценки свидетельских показаний от лиц различных социальных категорий, тактики допроса (возможность применения пытки, анализ

ложности показаний на основании психофизиологических проявлений; из более поздних источников права – особенности предъявления доказательств и постановки вопросов допрашиваемому).

Сущность некоторого явления представляет собой его свойства, некоторые присущие ему характеристики и отношения, обуславливающие его иные свойства и отношения, т.е. является такими его свойствами и отношениями, без которых некоторый объект существовать не может [9, с. 14]. Конечно, рассматриваемые в литературе особенности правового регулирования допроса определенным образом отражают свойства допроса как правового явления, но, во-первых, не рассматриваются именно с позиций, определяющих или не определяющих сущность допроса, во-вторых, рассматриваемые характеристики допроса в историческом срезе демонстрируются именно как изменчивые и во многом отжившие (предвзятое отношение к показаниям лиц того или иного социального происхождения, пытки и т.п.), что не может расцениваться в качестве статичных, сущностных характеристик допроса.

Приведем анализ литературных источников в отношении доктринальных подходов к пониманию сущности уголовно-процессуального допроса с позиций изучающих его наук: криминалистики, юридической психологии, судебной этики, уголовного процесса. Однако единого определения допроса в рамках данных наук не сформировано. При этом именно в определении того или иного понятия с позиций гносеологии отражаются его сущностные характеристики. По исследуемому вопросу И. Т. Кривошеин считает, что в науке не должно быть единого подхода к сущности уголовно-процессуального допроса, т.к. каждая правовая наука изучает его с позиций своего предмета [10, с. 7]. Вместе с тем даже в рамках одной и той же дисциплины подход к сущности допроса характеризуется определенным плюрализмом. С момента зарождения отечественной криминалистики допрос определяли как опрос лица по известным ему обстоятельствам расследуемого события [11, с. 5]. Между тем понятия *опрос* и *допрос* являются синонимичными с позиций лексики (см. также лексемы *расспрашивать*, *расспросить*)¹. Поэтому данное определение фактически не раскрывает сущность допроса, т.к. трактует его через синоним.

¹ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: ок. 11000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2001. С. 110, 293, 427.

Ряд ученых-криминалистов рассматривали допрос как следственное или судебно-следственное действие, заключающееся в получении показаний в установленной законом форме [12, с. 94; 13, с. 274; 14, с. 5; 15, с. 17; 16, с. 286]. В работах по уголовному процессу на сегодняшний день воспроизводится именно данное определение допроса (см., например, [17, с. 224]). В период зарождения юридической психологии А. В. Дулов определял допрос в качестве формализованного общения следователя с допрашиваемым, во время которого происходит психологическое воздействие на последнего с целью получения информации [18, с. 309]. В. Л. Васильев видел сущность допроса в приравнивании его к беседе, формы которой определяются уголовно-процессуальным законодательством, а участники находятся в неравном положении [19, с. 144]. Заметим, что беседа является частным случаем общения, его разновидностью, поэтому в некоторой степени и данное определение относит сущность допроса к формализованному общению². Кроме того, В. Л. Васильев определял сущность допроса через диалог следователя и допрашиваемого, тем самым подчеркивая, что общение в ходе допроса должно строиться на началах равенства [19, с. 446]. При этом в психологии понятие *диалог* рассматривают достаточно широко и неоднозначно: от вида взаимодействия при общении до интерпретации всей человеческой жизни в виде диалога [20, с. 69–72]. В некоторых современных работах по юридической психологии сущность допроса продолжает рассматриваться аналогичным образом в виде общения [21, с. 371].

Имеются работы, в которых представители юридической психологии рассматривают сущность допроса с двух позиций. С одной стороны, они характеризуют допрос как следственное или судебно-следственное действие, заключающееся в получении показаний в установленной законом форме, с другой – как разновидность формализованного общения с позиций психологии [22, с. 161–162]. Возможно, такой подход обусловлен концепцией, согласно которой юридическая психология рассматривает правовые явления с позиций психологии, а все остальные правовые науки рассматривают правовые явления с позиций права, поэтому в праве сущность данных явлений может рассматриваться одним образом, в психологии – иным.

Криминалисты не отказывались рассматривать допрос и в ключе общения, но уточняли, что в качестве общения допрос может быть рассмотрен исключительно с позиций психологии [15, с. 30]. Иной подход к сущности допроса предложен И. Т. Кривошеиным, который видит сущность допроса в оказании психологического воздействия с целью получения

объективных показаний [10, с. 13]. Р. Л. Ахмедшин относит допрос к формализованной познавательно-коммуникативной деятельности, имеющей ретроспективную направленность [8, с. 11]. Такое понимание допроса отражает в нем те или иные аспекты общения, сближает оба понятия. В психологии общение рассматривается в трех основных аспектах: обмен информацией (коммуникативный аспект); регуляция деятельности другого лица (интерактивный аспект); воздействие на эмоциональную сферу лица (перцептивный аспект) [23, с. 14]. Упомянутые ученые-криминалисты фактически определяют сущность допроса через тот или иной аспект общения.

Исходя из проведенного обзора литературных источников, представляется, что в науке сформировалось два альтернативных подхода к сущности допроса: 1) через получение показаний в установленной законом форме; 2) через формализованное общение. Относительно определения допроса в рамках первого подхода отметим, что в науке признается получение показаний не только в ходе допроса, но и в ходе череды иных следственных действий, отраженных в уголовно-процессуальном законе [24, с. 109; 25, с. 94]. Таким образом, предлагаемое понимание допроса не вполне отвечает требованиям теоретико-познавательного соответствия даваемого понятия его существенным признакам, отделяющим его от остальных схожих явлений одного порядка, а именно следственных действий, в ходе которых могут быть получены показания. Определение допроса в рамках второго подхода также не раскрывает его отличий, например, от очной ставки, проверки показаний на месте, опознания.

В то же время в криминалистической литературе, посвященной допросу, последний всегда фактически рассматривается с позиций всех аспектов общения, т.к. ученые исследуют особенности логического и эмоционального воздействия, особенности вступления в контакт с допрашиваемым и дальнейшее с ним общение, особенности взаимодействия допрашиваемого и следователя, а также иных лиц, которые могут участвовать в ходе допроса [14; 15]. Понятие *получение* применительно к показаниям тоже способно охватить данные аспекты, но может пониматься и узко – только как процесс одностороннего акта получения информации от допрашиваемого без учета обоюдного взаимодействия, взаимного воздействия (эмоционального и логического) допрашиваемого и допрашивающего друг на друга. Термин *общение* так или иначе является более разработанным. Важным, полагаем, остается то, что уголовно-процессуальный допрос во всех изучающих его отраслях знания рассматривается как следственное действие, а его конечным

² Беседа (в психологии). *Краткий психологический словарь*, сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Яровшевского. М.: Политиздат, 1985. С. 31.

результатом является появление в уголовном деле показаний как вида доказательств, которые уже проверяются в ходе очной ставки, проверки показаний на месте и опознания [17, с. 224; 26, с. 468; 27, с. 184].

Итак, вопрос о сущности допроса остается в науке незавершенным, требующим дальнейшего исследования и формулирования. Возможно, что в результате дальнейших исследований сущность допроса будет рассматриваться учеными на базе одного из двух существующих подходов. Обозначенное еще более актуализирует необходимость исследования сущности допроса в историческом срезе.

В силу изложенного изучение развития понятия допроса в рамках диахронного сравнительно-правового исследования является актуальным. С теоретических позиций оно позволит лучше понять сущность данного правового явления, а с точки зрения практики – определить дальнейшие направления развития данного процессуального действия, т.е. задать вектор нормотворчества в отношении него, т.к. законодатель сможет лучше понимать сущностные характеристики допроса, соответственно, те его аспекты, которые требуют совершенствования правового регулирования.

Методы и материалы

В процессе проведения диахронного сравнительно-правового исследования генезиса сущности допроса объектом изучения выступили условия, процедуры допроса, меры, обеспечивающие его проведение в рамках разбирательства именно по факту события преступления (термин *уголовное дело* не используется в силу отсутствия разграничения формальных источников права более давних времен по отраслям), закрепленные в формальных источниках позитивного права с момента зарождения российской государственности до наших дней, т.е. фактически его процессуальная форма. При этом в учет берутся именно те источники, которые содержат термин *допрос* или синонимичные ему термины. Данное исследование носит характер исключительно нормативного, т.к. для функционального исследования невозможно получить практику применения норм о допросе с момента зарождения российской государственности.

Результаты

Сравнительно-правовой анализ развития допроса в российском уголовном процессе свидетельствует о его трансформации из сугубо коммуникативного действия (простого акта передачи и получения информации) до уровня полноценного формализованного общения, урегулированного уголовно-процессуальным

правом, с целью формирования доказательств в виде показаний. Несмотря на имеющиеся в литературе замечания, что законодательные положения, которые можно было бы отнести к регулированию допроса в российском праве, формировались еще со времен Русской Правды, впервые упоминание какого-либо термина, синонимичного термину *допрос*, мы встречаем в судных грамотах.

Согласно положениям Псковской судной грамоты, при разбирательстве дела о побоях или грабеже без прямых улик предписывалось опросить (допросить) потерпевшего, где его били и грабили³. В сохранившемся оригинале данного законодательного акта, в приведенной его части, используется слово *опроси*, которое, в силу созвучности произношения буквы *omega* с буквой *o* [28, с. 19–22], допустимо читать как [опроси], т.е. следует опросить потерпевшего. В целом термин *опрос* в русском языке синонимичен термину *допрос*, о чем уже указывалось. Исходя из контекста данного источника, опрос (как термин, предшествующий собственно допросу) необходимо понимать именно как процесс передачи сведений, некоторой информации о расследуемом событии опрашиваемыми лицами опрашивающим. В силу обозначенного опрос (допрос) в представлении древнерусского законодателя действительно имел лишь коммуникативный аспект.

Отметим, что в Псковской судной грамоте уже конкретизируется, что опрос (допрос) должен иметь цель – получение некоторой информации о месте побоев и грабежа. Источник уже предъявляет формальные требования к подобному коммуникативному взаимодействию через указание на случаи, при которых опрос может быть проведен в случае совершения грабежа или побоев без очевидных улик.

Собственно термин *допрос* встречается в Соборном уложении 1649 г.⁴ В данном источнике допрос, как и его предшественник – опрос, продолжает носить исключительно коммуникативный характер (именно вербальной коммуникации), т.к. Соборное уложение 1649 г. оперирует понятием *по допросу скажут*, а также в нем уже указывается, что поступающая на допросе информация от допрашиваемых лиц должна фиксироваться посредством «допросных речей» (пункты 112, 160, 172, 173). То есть законодатель продолжает формализовывать допрос как коммуникативное взаимодействие, внедряя при этом положение о том, что результат допроса формируется в виде фиксированных показаний.

Более ранние источники русского права не оперировали прямо термином *допрос* или непосредственно

³ Псковская судная грамота. Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/680611> (дата обращения: 26.11.2022).

⁴ Уложение. Группа «В». М.: Печатный двор, 1649. 339 л. URL: <https://www.prlib.ru/item/388750/> (дата обращения: 16.12.2022).

синонимичными терминами. Речь идет о Судебниках 1497⁵ и 1550⁶ гг. В них имеется упоминание терминов *пытка* или же *обыск*. Однако что касается термина *обыск*, то, как показывает анализ более поздних правовых актов, его содержательное значение отошло от термина *допрос*, на сегодняшний день в УПК РФ они обозначаются как два разноплановых следственных действия (статьи 182, 184, 187–191, 275–283 УПК РФ), которые имеют различную сущностную природу⁷. Допрос базово основан на коммуникативном, вербальном содержании, обыск – на поисковом, следственном, невербальном [8, с. 5]. Синонимами данные термины не являются, как и не синонимичен каждый из них слову *пытка*: общее понимание пытки с позиции лингвистики русского языка дается только через рассмотрение данного явления в качестве «насилия или истязания на допросе»⁸. Правовое понимание пытки отражено в источниках международного права, в российском законодательстве: оно не сводится лишь к пониманию ее как метода ведения допроса, но может равным образом применяться к способу ведения самого расследования целиком, а также к характеристике наказания. Данный вывод можно сделать на основе анализа ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания⁹, примечания к ст. 117 УК РФ¹⁰, где пытка определяется достаточно широко как причинение физических и нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях.

Становится понятным, что в первую очередь пытка выступает в качестве метода ведения допроса. В отечественном и международном праве характеристика пытки как метода допроса стоит на первом плане. Поэтому можно предположить, что во времена действия судебных кодексов российский законодатель начинает уделять внимание необходимости оказания воздействия на допросе с целью получения интересующей расследование информации, последний перестает иметь лишь коммуникативный аспект

приема-передачи некоторой информации о расследуемом событии. Однако доподлинное понимание соотношения пытки и допроса в правовом понимании тех лет, пожалуй, требует отдельного исследования, т. к. приведенные выше предположения основаны именно на ныне действующем праве и правовом понимании современного человека.

Наиболее явно то предположение о роли пытки, которое высказывалось в Судебниках 1497 и 1550 гг., прослеживается в артикулах Воинского устава Петра I¹¹. Так, артикул 158 Воинского устава явно проводит связь допроса с воздействием на допрашиваемых лиц. В данном артикуле указывается на возможность жестокого допроса, даже с применением пытки при необходимости. Отметим снова, что пытка фактически является своеобразным методом воздействия на психологический компонент лица, заставляющим последнего под действием испытываемых физических, нравственных и / или иных страданий подстраивать свою активность под волю пытающего. В рамках же настоящего исследования важно, что данный источник права отмечает постепенное развитие аспектов допроса, переводя его с чисто коммуникативного содержания в том числе в плоскость аспекта воздействия на допросе.

Дальнейшее развитие понимания допроса законодателем связано с трансформацией взглядов на него не только как на коммуникативный процесс или процесс воздействия, но и как на процесс особого восприятия следователем допрашиваемого лица, информации, от него поступающей. Так, следователь должен был обнаружить истину в словах допрашиваемого через тщательный расспрос, наблюдение связи слов допрашиваемого и его действий (ст. 1042, Т. XV, Кн. 2 Свода законов Российской империи¹²).

В более поздних источниках права Российской империи происходило регулирование, осмысление, а также принятие и развитие аспекта взаимодействия следователя с допрашиваемым, в частности, устанавливались обязанности вести допрос по допросным пунктам, возможность следователя задавать вопросы после свободного рассказа допрашиваемого

⁵ Судебник 1497 года. *Судебники XV–XVI веков*, под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.-Л.: АН СССР, 1952. С. 17–29.

⁶ Судебник 1550 года. *Судебники XV–XVI веков*, под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.-Л.: АН СССР, 1952. С. 133–177.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс РФ № 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 05.12.2022). *СЗ РФ*. 24.12.2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁸ Пытка. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений*. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. С. 635.

⁹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 39/46 от 10.12.1984). *Организации Объединенных Наций*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 16.12.2022).

¹⁰ Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 21.11.2022). *СЗ РФ*. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

¹¹ Артикулы Воинского устава Петра I. *НЭБ*. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005378519?page=1&rotate=0&theme=white/ (дата обращения: 16.12.2022).

¹² Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 т. *НЭБ*. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003421516/ (дата обращения: 26.11.2022).

(статьи 71, 72, 161, 192, 258, 292 Устава уголовного судопроизводства Российской империи¹³). Законодатель также расширял пути передачи информации на допросе, коммуникативный аспект допроса рассматривался уже не просто как передача устной вербальной информации (ранее исключительно на устную вербальную информацию указывала необходимость фиксации допросных речей), но как передача информации по иным каналам. В частности, на это указывает то, что для получения показаний стало возможным на уровне закона привлекать лиц, сведущих в языке немых (ст. 411 Устава уголовного судопроизводства Российской империи), т. е. становится возможным получать от допрашиваемого информацию невербальную, передаваемую оптико-кинетической системой знаков. С другой стороны, при отходе от пытки законодатель, осознавая аспект воздействия на допросе, прибегал к его ограничению. Если обвиняемый отказывался отвечать на вопросы следователя, последний должен был изыскивать иные способы получения доказательств, а не «домогаться показаний» (ст. 406 Устава уголовного судопроизводства Российской империи), что буквально можно понимать как запрет на любое воздействие по преодолению установки на отказ от дачи показаний. Между тем аспекты допроса, уже ранее возникшие в законодательстве, не предаются законодателем в более совершенных поздних источниках права забвению, но проходят переосмысление, трансформацию.

В советское время законодатель перенимает положительный опыт правового регулирования допроса, берущий наследие с царских времен, хотя, как известно, и провозглашает отказ от имперского наследия. Развиваемые в законодательстве аспекты допроса (коммуникация, особенности социальной перцепции следователя в отношении допрашиваемого лица, выделенные аспекты воздействия и взаимодействия) позволяют считать, что в отечественной законодательной практике в XIX–XX вв. сформировалось прочное, становящееся традиционным рассмотрение сущности допроса как формализованного вида общения, урегулированного уголовно-процессуальным правом, с обязательной процедурой фиксации его результатов.

Если ранее законодатель закреплял аспект социальной перцепции на допросе таким образом, что следователь должен был наблюдать за словами и действиями допрашиваемого в целях установления истины показаний, то в советское время для реализации целей допроса следователь на законодательном уровне

обязан был выяснять необходимые сведения о личности допрашиваемого свидетеля (ст. 158 УПК РСФСР 1960 г.¹⁴). Представляется, что подобные положения закона призывали обращать внимание на важность изучения личности допрашиваемого для реализации целей допроса. Обязательным элементом допроса законодатель продолжает указывать необходимость фиксации результатов такого общения (статьи 133, 135, 138, 169, 173, 288, 289 УПК РСФСР 1922 г.¹⁵; статьи 152, 160 УПК РСФСР 1960 г. и др.). Допрос при этом остается взаимной коммуникацией относительно информации по обстоятельствам уголовного дела, взаимодействием участников уголовного процесса по фактической выработке и процессуальному закреплению показаний (статьи 141, 143, 168, 170, 290, 291 УПК РСФСР 1922 г.; статьи 74, 75, 158, 280, 283 УПК РСФСР 1960 г.). С точки зрения количества участвующих на допросе лиц, т. е. с позиций интерактивной его компоненты как общения, закон допускал присутствие различных участников процесса в ходе данного процессуального действия, например свидетелей с возможностью задавать им вопросы иными участниками, кроме следователя (ст. 117 УПК РСФСР 1922 г.). В более поздних редакциях возможность взаимодействия различных участников процесса на допросе в рамках предварительного расследования была ликвидирована, но коммуникативный и интерактивный аспекты допроса остались и на предварительном следствии, и в суде. У допрашиваемого лица сохранилась возможность задавать допрашиваемому вопросы, в некоторых случаях даже в момент свободного рассказа последнего, а также осталась возможность прервать свободный рассказ допрашиваемого в случае получения достаточных данных по делу (статьи 141, 143, 170, 290, 291 УПК РСФСР 1922 г.; статьи 74, 75, 158, 280, 283 УПК РСФСР 1960 г.).

Анализ современного правового регулирования допроса свидетельствует о его развитии в качестве формализованного общения, на что указывает определенный порядок коммуникативного взаимодействия на допросе (например, регулирование порядка возможности задавать вопросы, их очередность поступления от различных участников процесса), допустимость того или иного воздействия в ходе коммуникации (статьи 187, 189, 275, 277, 278 УПК РФ и др.). Также современный законодатель стремится расширять сферу правового регулирования допроса на цели данного своеобразного вида общения, отдельно обозначая цель допроса тех или иных участников уголовного процесса (ч. 1 ст. 282 УПК РФ и др.).

¹³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Ч. 2. Устав уголовного судопроизводства. Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/372593/> (дата обращения: 16.12.2022).

¹⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 27.10.1960 (первонач. ред.). Ведомости ВС РСФСР. 31.10.1960. № 40. Ст. 592.

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. Постановлением ВЦИК от 25.05.1922. СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

Законодатель продолжает регулировать различные вербальные и невербальные формы коммуникации в ходе допроса. Так, информация на допросе может поступать не только в форме вербальной коммуникации, но и иными вариативными средствами невербальной коммуникации, рисунками, схемами и пр. (это находит отражение в положениях закона, например, ч. 5 ст. 190, ч. 2 ст. 275 УПК РФ).

Современный законодатель в действующем УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР 1960 г., исключил такой аспект допроса, как познание личности допрашиваемого, т.е. из правового регулирования допроса как бы исключается перцептивный аспект общения, ныне не указывается на необходимость учета личности допрашиваемого. Можно предположить, что ранее действовавшее законодательство указывало на необходимость учета личности того же допрашиваемого свидетеля, т.к., во-первых, криминалистами отмечается, что важным слагаемым успешного тактического воздействия в ходе допроса является применение тактических приемов с учетом личности допрашиваемого, во-вторых, психологами указывается на успешность реализации цели любого вида общения при надлежащем учете личности партнера по общению [23, с. 13; 29, с. 149]. Допустимо, конечно, возражение, что фактически какой-либо характеризующий материал относительно личности того же свидетеля сам по себе не касается уголовно-процессуальной стороны расследуемого преступления, поэтому на практике не будет отражен в уголовном деле, соответственно, указывать на учет личности в ходе допроса в уголовно-процессуальном законе нет необходимости, такой учет может просто остаться в рамках криминалистических рекомендаций.

В то же время в литературе отмечается, что нормы, указывающие на необходимость того или иного должного поведения, даже если иное правовое регулирование деятельности субъекта, подпадающего под действие данных норм, не дает возможности реализовать в полном объеме требуемую от него меру поведения, все равно на практике дают такому субъекту установку вести себя именно подобным образом, а такой субъект будет стремиться гармонизировать свое поведение с данной установкой, даже если процедуры реализации такого поведения будут иметь пробелы [6, с. 59]. Если это так, то даже положение закона, на первый взгляд кажущееся совершенно не реализуемым на практике в поведении того или иного субъекта, будет иметь определенный результат, т.к. правовые предписания настраивают субъекта правоотношения вести себя определенным образом.

Отдельно отметим, что сами по себе положения криминалистической тактики, не закрепленные в законе, хоть и являются наиболее оптимальным вариантом поведения в ходе проведения следственных действий,

не являются обязательными, а потому практики могут стремиться ими пренебречь [30, с. 73]. Так, если какое-либо положение криминалистической тактики является достаточно оптимальным, его стоит законодательно закреплять. Аспект перцепции при допросе, конечно, стоит отражать в формальных источниках уголовно-процессуального права, т.к. это сущностный аспект общения, аспект в общении по познанию партнера по общению, что, как уже отмечалось, является залогом любого успешного общения. Здесь также можно отметить, что законодательство других стран предусматривает обязательный учет личности того или иного допрашиваемого. Например, § 92 (1) УПК Чехии предусматривает необходимость учета личности обвиняемого при его допросе [31, с. 71]. Анализ же фактического применения данного положения чешского уголовно-процессуального закона, эффективность данного законоположения и практическая значимость такого положения требуют отдельных исследований.

При этом на сегодняшний день допрос, согласно позиции законодателя, направлен на введение в уголовное дело показаний, т.к. они появляются именно в ходе допроса как вид доказательств (ст. 76, ч. 1 ст. 77, ч. 1 ст. 78, ч. 1 ст. 79, части 2, 4 ст. 80 УПК РФ). Очная ставка, проверка показаний на месте, опознание не направлены на введение показаний в уголовное дело, предназначены для проверки полученных показаний, их уточнения, подтверждения или опровержения в результате проведения указанных следственных действий, но не на получение принципиально новых показаний (ч. 1 ст. 192, ч. 2 ст. 193, ч. 1 ст. 194 УПК РФ).

Закключение

Развитие представления о допросе в формальных источниках права идет по пути рассмотрения сущности допроса в качестве формализованного общения, что выражается в постепенном внедрении в правовое регулирование различных аспектов допроса как общения: начиная регулированием только коммуникативного аспекта на ранних этапах развития процессуальной формы допроса, в дальнейшем развиваясь в сторону регулирования иных аспектов допроса как общения (интерактивный и перцептивный аспекты). В данном направлении, как представляется, будет дальнейшее развитие допроса в праве. При этом допрос в правовых источниках развивается не только как межличностное общение, периодически законодатель внедряет возможность группового общения в ходе допроса (не только в ходе судебного следствия, но и в рамках предварительного расследования), также допрос не рассматривается как сугубо вербальное общение даже в плане получения доказательственной информации (на что указывает возможность приобще-

ния рисунков, схем к протоколу допроса; возможность допроса лиц, которые ограничены в передаче вербальной информации). Обозначенное понимание допроса может способствовать более полному его изучению, вне рамок рассмотрения допроса только как способа воздействия, коммуникации (получения информации), но также как взаимного воздействия допрашивающего и допрашиваемого друг на друга.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. М.: Норма; ИНФРА-М, 2021. 320 с. [Saidov A. Kh. *Comparative law*. Moscow: Norma; Infra-M, 2021, 320. (In Russ.)]
2. Головки Л. В. Исторические формы (модели) уголовного процесса. *Курс уголовного процесса*, под ред. Л. В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021. С. 129–144. [Golovko L. V. Historical forms (models) of the criminal process. *Criminal procedure*, ed. Golovko L. V. 3rd ed. Moscow: Statut, 2021, 129–144. (In Russ.)]
3. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука; Альфа, 2000. 224. [Smimov A. V. *Criminal procedure models*. St. Petersburg: Nauka; Alfa, 2000, 224. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wohgfp>
4. Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб.: СПбГУ, 2006. 264 с. [Stoyko N. G. *Criminal procedures in Western states and Russia: a comparative theoretical and legal study of the Anglo-American and Romano-German legal systems*. St. Petersburg: SPbSU, 2006, 264. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxjzjcj>
5. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 470 с. [Strogovich M. S. *Soviet criminal procedure. Vol. 1. Summary of the Soviet science of criminal proceedings*. Moscow: Nauka, 1968, 470. (In Russ.)]
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1912. Т. 1. 597 с. [Foinitskiy I. Ya. *Criminal procedure*. 4th ed. St. Petersburg: Tipografiia t-va "Obschestvennaia polza", 1912, vol 1, 597. (In Russ.)]
7. Кустов А. М., Лапин В. О. Современная криминалистическая практика и наука (конец XX в. – начало XXI в.). М.: Юрлитинформ, 2021. Т. 2. 328 с. [Kustov A. M., Lapin V. O. *Modern criminalistic practice and science in the late XX – early XXI centuries*. Moscow: Iurlitinform, 2021, vol. 2, 328. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/segwha>
8. Ахмедшин Р. Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск: ТГУ, 2014. 294 с. [Akhmedshin R. L. *Tactics of communicative investigative actions*. Tomsk: TSU, 2014, 294. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yfnntz>
9. Петров Ю. А. Теория познания: научно-практическое значение. М.: Мысль, 1988. 144 с. [Petrov Yu. A. *Epistemology: scientific and practical value*. Moscow: Mysl, 1988, 144. (In Russ.)]
10. Кривошеин И. Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. Томск: ТГУ, 2001. 114 с. [Krivoshain I. T. *Theoretical and practical issues of interrogation*. Tomsk: TSU, 2001, 114. (In Russ.)]
11. Якимов И. Н., Михеев П. П. Допрос: практическое пособие для допрашивающих. 2-ое изд., просмотр. и доп. М.: НКВД, 1930. 84 с. [Iakimov I. N., Mikheev P. P. *Interrogation: a practical manual for interviewers*. 2nd ed. Moscow: NKVD, 1930, 84. (In Russ.)]
12. Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж: МОДЭК, 1995. 224 с. [Baev O. Ya. *Tactics of investigation procedures*. Voronezh: MODEK, 1995, 224. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sndabt>
13. Криминалистика, под ред. Р. С. Белкина. М.: Юрид. лит., 1986. 544 с. [*Criminalistics*, ed. Belkin R. S. Moscow: Iurid. lit., 1986, 544. (In Russ.)]
14. Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса на предварительном следствии. М.: Юрид. лит., 1970. 208 с. [Vasilev A. N., Karneeva L. M. *Pretrial interview tactics*. Moscow: Iurid. lit., 1970, 208. (In Russ.)]
15. Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. 3-е изд., перераб. Мн.: Выш. школа, 1978. 176 с. [Porubov N. I. *Scientific basis of preliminary interview*. 3rd ed. Minsk: Vysh. shkola, 1978, 176. (In Russ.)]
16. Криминалистика, отв. ред. С. А. Голунский. М.: Госюриздат, 1959. 512 с. [*Criminalistics*, ed. Golunskii S. A. Moscow: Gosjurizdat, 1959, 512. (In Russ.)]
17. Уголовный процесс, ред. О. А. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко, А. Г. Тузова. Ростов н/Д.: Феникс, 2015. 446 с. [*Criminal proceedings*, eds. Andreeva O. A., Nazarov A. D., Stoyko N. G., Tuzov A. G. Rostov-on-Don: Feniks, 2015, 446. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tmkcvz>

18. Дулов А. В. Судебная психология. 2-е изд., испр. и доп. Мн.: Выш. школа, 1975. 464 с. [Dulov A. V. *Judicial psychology*. 2nd ed. Minsk: Vysh. shkola, 1975, 464. (In Russ.)]
19. Васильев В. Л. Юридическая психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2009. 608 с. [Vasilev V. L. *Legal psychology*. 6th ed. St. Petersburg: Piter, 2009, 608. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxvncj>
20. Топольская Т. А. О понятии «диалог» в психологических исследованиях общения и консультативной практики. Часть I. *Консультативная психология и психотерапия*. 2011. № 4. С. 69–90. [Topol'skaja T. A. The concept of "dialogue" in psychological research of communication and the consultative practice. Part I. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2011, (4): 69–90. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rnaypz>
21. Чуфаровский Ю. Ф. Юридическая психология. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 480 с. [Chufarovskii Ju. F. *Legal psychology*. 3rd ed. Moscow: Prospekt, 2015, 480. (In Russ.)]
22. Юридическая психология, под науч. ред. О. Д. Ситковской. М.: Юрлитинформ, 2011. 470 с. [*Legal psychology*, ed. Sitkovskaya O. D. Moscow: Iurlitinform, 2011, 470. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qydaeh>
23. Душкина М. Р. Психология влияния в социальных коммуникациях: психологическое воздействие – методы и технологии. М.: Юрайт, 2020. 213 с. [Dushkina M. R. *Psychology of influence in social communications: psychological impact – methods and technologies*. Moscow: Iurait, 2020, 213. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lpepyo>
24. Стельмах В. Ю. Некоторые вопросы участия свидетеля в уголовном судопроизводстве. *Уголовное право*. 2018. № 5. С. 107–113. [Stelmakh V. Yu. Certain issues of participation a witness in criminal proceedings. *Ugolovnoe pravo*, 2018, (5): 107–113. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/asephl>
25. Новиков С. А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. СПб.: СПбГУ, 2004. 239 с. [Novikov S. A. *Testimony of the accused in the modern criminal process of Russia*. St. Petersburg: SPbSU, 2004, 239. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qvxgfd>
26. Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии. М.: Юрист, 1996. 631 с. [Enikeev M. I. *Fundamentals of general and legal psychology*. Moscow: Iurist, 1996, 631. (In Russ.)]
27. Савельева М. В., Смушкин А. Б. Следственные действия. М.: Юрайт, 2017. 293 с. [Saveleva M. V., Smushkin A. B. *Investigative actions*. Moscow: Iurait, 2017, 293. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zslclr>
28. Афанасьева Н. Е. Учебник церковнославянского языка. Долгопрудный: Издатель А. Б. Гоняйкин, 2018. 272 с. [Afanaseva N. E. *The textbook of the Church Slavonic language*. Dolgoprudny: Izdatel A. B. Goniaikin, 2018, 272. (In Russ.)]
29. Криминалистика. Т. 4. Криминалистическая тактика, общ. ред. И. В. Александрова; отв. ред. И. М. Комаров. М.: Юрайт, 2019. 179 с. [*Criminalistics. Vol. 4. Forensic tactics*, eds. Aleksandrov I. V., Komarov I. M. Moscow: Iurait, 2019, 179. (In Russ.)]
30. Ахмедшин Р. Л. Тактика поисковых следственных действий. М.: Юрлитинформ, 2016. 344 с. [Akhmedshin R. L. *Tactics of search investigative actions*. Moscow: Iurlitinform, 2016, 344. (In Russ.)]
31. Майорова Л. В. Уголовно-процессуальное законодательство Чешской республики. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1999. 107 с. [Maigrova L. V. *Criminal procedure legislation in the Czech Republic*. Krasnoyarsk: KSU, 1999, 107. (In Russ.)]